

Фонд содействия ветеранам органов госбезопасности
«КУОС-Вымпел» имени Г.И. Бояринова

Валецкий О.В.

Традиции военного добровольчества у сербов

www.kuos-vympel.ru

Книга издана при поддержке **Фонда содействия ветеранам органов госбезопасности «КУОС-Вымпел» имени Героя Советского Союза Григория Ивановича Бояринова** и его Санкт-Петербургского регионального подразделения. Это общественная организация боевых офицеров спецназа госбезопасности, с честью и достоинством выполнивших в период службы свой конституционный и гражданский долг так, как этого требовали интересы государства. Визитной карточкой Фонда стало участие его членов в легендарной, не имеющей аналогов в истории спецслужб операции «Шторм-333» 27 декабря 1979 года, ознаменовавшейся героическим штурмом дворца «Тадж-Бек» в г. Кабуле (Афганистан). Все сотрудники Фонда имеют государственные награды за участие в выполнении специальных заданий руководства

страны в Афганистане и ряде других стран. Завершив военную службу, ветераны-спецназовцы, **верные единокры данной присяге**, реализуют свою активную жизненную позицию и в общественной жизни, в рамках созданного ими Фонда.

ВАЛЕЦКИЙ О.В.

Традиции военного добровольчества у сербов

Москва

Издатель А.В. Воробьев

2020

УДК 355/359

ББК 68

B15

Книга издана Фондом содействия ветеранам
органов госбезопасности «КУОС-Вымпел»
имени Героя Советского Союза Григория Ивановича
БОЯРИНОВА
www.kuos-vympel.ru

ВАЛЕЦКИЙ О.В.

B15 Традиции военного добровольчества у сербов / Фонд «КУОС-Вымпел»; Центр стратегической конъюнктуры. — М.: Издатель А.В. Воробьев, 2020. — 72 с.

ISBN 978–5–93883–421–7

Книга повествует о трудной судьбе сербского народа, который вот уже почти 1000 лет отстаивает свободу и независимость своей Родины и защищает православную веру. Перед сербами, мужественным и гостеприимным народом, как и перед русскими, всегда стояла простая дилемма, лучше всего сформулированная русским монархистом Иваном Лукьяновичем Солоневичем: либо «придет сволочь и заберет в рабство», либо «терпи, молись, не унывай, мужайся и крепись». Сербы избрали последний — самый трудный — путь. Поэтому они всегда, как и русские, либо воевали, либо готовились к войне.

Традиции военного добровольчества сплачивают сербов, помогая выстоять в неравной битве с врагом. У большинства славянских народов существует побратимство, но только сербские добровольцы чтят узы братства и верны своему долгу и исторической доблести.

ОБЛОЖКА: 1. Воеводы сербских четников Старой Сербии и Македонии. 1908 г.

2. Эвакуированные на о. Корфу солдаты и офицеры сербской армии. 1916 г.

© Валецкий О.В., 2020

ISBN 978–5–93883–421–7

© Воробьев А.В. & Центр СК, оформление, 2020

Научное издание

Подписано в печать 20.12.2017. Формат 60x88/16. Усл.-печ. л. 4,5. Уч.-изд. л. 1,93. Тираж 500 экз.

Издатель Воробьев А.В. 7720376@mail.ru. г. Москва, ул. Профсоюзная, 140-2-36

Редактор Надежда Лучич

Типография ООО «Поли Принт Сервис». Москва, ул. Бутырская, д. 86. Тел. 8(495)191-11-95

Изготовление любой печатной продукции // info@ppsprint.ru // ppsprint.ru

Валецкий О.В.

Традиции военного добровольчества у СЕРБОВ

Военное добровольчество традиционно играло большую роль в войнах сербского народа. Объяснение тому лежит в самой сербской истории. Турки с самого своего вступления в Европу столкнулись с ожесточенным сербским сопротивлением, ибо земли в тогдашнем Эпире находились под властью сербской знати со времен Душана Сильного, первого и последнего царя сербов и греков.

ФОТО 1. Сербское царство царя Душана Сильного в 1355 году // www.njegos.org

15 июня (по старому стилю) 1389 года сербское войско князя Лазаря вышло на Косово поле против куда более многочисленного войска султана Мурата. В ходе боя сербы поначалу начали теснить турок, но затем, согласно официальной сербской истории, часть сербского войска во главе с Вуком Бранковичем отступила, и войско князя Лазаря было разбито, а сам князь Лазарь был казнен. Однако, согласно некоторым европейским хроникам, сербам все-таки удалось прорваться до шатра султана Мурата, и есть свидетельство из «Герасимовой летописи», по которому рыцарю Милошу Обиличу, находившемуся во главе отряда из двенадцати рыцарей, удалось даже пробиться до шатра султана Мурата.

ФОТО 2. Косовская битва. Галерея Косты Мандровича в Вене // staresrpskeslike.com

Тут малоубедительной выглядит официальная версия, согласно которой султана убил сдавшийся в плен Милош Обилич, представившийся сербским перебежчиком, ибо в самый разгар битвы к турецкому султану вряд ли могли подвести неприятельского витязя, не обыскав его, да еще оставив один

на один с султаном, ради каких бы то ни было переговоров. Впрочем, это не столь важно, т.к. является историческим фактом то, что как раз после Косовской битвы турки оставили сербов в покое на несколько десятков лет. Косовская битва, таким образом, была не только «небесной», но и земной победой, обеспечив сербам относительно долгий мир, и, сложись обстоятельства по-иному, турки, пораженные войсками Тамерлана в битве под Ангорой в 1402 году, были бы сметены с лица земли. По существу Косовская битва была крестовым походом в защиту христианства, и уже тогда немало было сербов и других бывших христиан-греков, армян, славян, принявших ислам, находившихся в турецком войске.

ФОТО 3. Картина «Косовская девушка сербского художника Уроша Предица

В средневековье еще не существовало привычных со времен Французской революции «национальных идеологий», и в войсках сербских королей династии Неманичей служили рыцари со всей Европы, много было в них и немецких рыца-

рей, чему имеется достаточно исторических свидетельств. Столь же много свидетельств существует и в европейских хрониках, что сама битва на Косово, как и прочие битвы против турок, в тогдашней Европе воспринимались как дело «общехристианское» в тогдашнем его понимании.

Однако ни смерть турецкого султана в Косовской битве 1389 года, ни разгром турок Тамерлана при Ангоре в 1402 году, ни походы крестоносцев со всей Европы не смогли заставить сербов объединиться. Уже тогда часть сербов перешла на сторону турок, и когда войска валашского правителя Мирчи в 1395 под Ровинем разбили турецкое войско, в рядах оно обнаружилось и сербские отряды.

После падения в 1439 году тогдашней сербской столицы Смедерево, которую обороняло войско последнего сербского «деспота» (князя) Джураджа Бранковича (1427—1456), Сербия была оккупирована турками. Сам Бранкович вел протурецкую политику, и из-за этого его преследовал собственный дядя, «деспот» Стефан Лазаревич, сын князя Лазаря, погибшего в битве на Косово в 1389 году. Став деспотом, Бранкович, будучи вассалом и венгерского короля, и турецкого султана, вел достаточно двуличную политику в отношении всех своих союзников, а его жена, Ирина Кантакузин, внучка Дмитрия Кантакузина, внука ромейского императора Иоанна Шестого Кантакузина (1347—1354), была ненавидима сербами из-за своей жестокости и пристрастия к колдовству.

В это время Владислав Третий Ягелло, носивший тогда и польскую корону, при посредничестве кардинала Чезарини, получил 13 декабря 1442 года венгерскую корону и стал главным орудием папы Евгения Четвертого в организации Крестового похода с целью выгнать турок из Европы и помочь Константинополю. Бранкович пытался вернуть власть при венгерской поддержке, в собранной для войны против турок двадцатипяти тысячной армии венгерского пол-

ководца Янко Хуньяди было восемь тысяч сербов [1]. Известно, что к этой армии присоединился и воевода из Сребреницы Петар Ковачевич с 600 конными воинами, и она разбила турок в битве под Нишем 3 ноября 1444 года, во многом благодаря бегству из рядов последних отряда албанцев во главе с Скендербегом, поднявшим потом восстание против турок. Однако уже 15 августа 1444 года по инициативе Бранковича был подписан Сегединский мир, при посредничестве Мары — жены султана и дочери Бранковича, и турецкий султан Мехмед Второй отрекся в пользу сына Мурата Второго [2]. Хотя венгерский король отказался потом от подписи и продолжил борьбу против турок, сам Джурадж Бранкович от мира с султаном Муратом не захотел отказываться.

ФОТО 4. Венгерский король Владислав Третий. Ян Матейко (1838–1893)

Впрочем, многие сербы продолжили войну в венгерско-польской армии крестоносцев Яноша Хуньяди, собранной венгерским королем Владиславом в Венгрии, Польше, Валахии, Молдове и в Бургундии, где находились и сербские отряды. После поражения армии крестоносцев в битве под Варной 10 ноября 1444 года и смерти короля Владислава Третьего и кардинала Чезарини, турки начали новый поход в Европу.

ФОТО 5. Битва под Варной. Польская хроника

В этом походе войско султана Мехмеда Второго встретилось с армией, собранной венгерским королем Владиславом Третьим в Венгрии и Валахии, которым командовал Янош Хуньяди. Джурадж Бранкович отказался присоединиться к этой армии, и потому Хуньяди рассматривал его и его вассалов союзниками турок. Туркам, однако, удалось в битве на

Косово 17 октября 1448 года разбить армию Яноша Хуньяди до того, как оно смогло соединиться с силами своего союзника Скендербега, и в сражении погибло 17 тысяч венгров и валахов [3]. Бранкович смог захватить Хуньяди во время его отступления через Сербию, и лишь после того, как венгерские бароны и прелаты выплатили Бранковичу 100 тысяч золотых форинтов, тот отпустил Хуньяди. После этого Бранкович венграми рассматривался как турецкий вассал, кем он, собственно, и был. Войска Джураджа Бранковича, как вассала султана, находились и в армии султана Мехмеда Второго, завоевавшего 29 мая 1453 года Константинополь.

ФОТО 6. Осада турками Константинополя // www.maximus101.livejournal.com

Данное обстоятельство нисколько не помешало потом Мехмеду Второму Завоевателю на следующий год огнем и мечом пройти по сербским землям, установив свою власть над всем ее югом и захватив крепость Ново Бырдо. Бранкович, который к тому же вел постоянные войны с другими сербскими феодалами (в Зете с герцогом Стефаном Вукчичем и в Босне, где по его приказу в Сребренице был убит Петар Ковачевич). В 1455 году Бранкович бежал в Венгрию, дабы получить там помощь. Хотя в 1456 году его войско, при

поддержке венгерского короля и боснийского короля, смогло выдержать осаду турок в Смедерево, но 24 декабря 1456 года Бранкович умер под Рудником. Уже через год турки аннексировали его земли, и с этим история независимой Сербии была окончена.

ФОТО 7. Сербская «деспотовина» с 1455 по 1458 год

Единственным «национальным» институтом у сербов осталась Сербская православная церковь, в какой-то мере обеспечивавшая сербам определенные элементы политической и культурной автономии, но в силу самого церковного канона просто не могла готовить и организовывать воинские формирования. Так как главное острие удара турок в XVI–XVII веках было направлено через Балканы против Австрии, являвшейся после разгрома Венгрии в XVI веке последним барьером на пути турок в Европу, то создание добровольческих формирований под иностранным покровительством было вопросом выживания сербского народа.

ФОТО 8. Сербский воин. Рисунок Мартина Энглбехта // staresrpskeslike.com

Созданию таких формирований способствовало то, что после поражения сербов от турок Австрия, следуя более раннему примеру Венгрии, приняла тысячи сербов, отступавших от турок. В книге «Жизнь и обычаи сербского народа» Вук Караджич описывал жизнь сербов, живших по так называемым «задругам», в которые объединялось несколько

сербских семей и которые управлялись одним главой [4]. Подобная организация, по сути, делала из сербов достаточно дисциплинированную и управляемую воинскую массу, которую и использовала австрийская власть. Важную роль играла и политика властей Османской империи. Так, Белградский пашалык, в котором проживала основная масса сербов, как и другие подобные пашалыки Османской империи, представлял собою военно-территориальное формирование и управлялся пашой, имевшим право осуществлять как военное командование, так и судебную власть, а также собирать налоги. Как писал Вук Караджич, для подобных задач белградский паша имел собственные вооруженные конные отряды, т.н. «делий» во главе с дели-башой, у которого так же в услужении были сборщики налогов — кавазы и чауши, а также судебные приставы — бумбараши [4]. В воспоминаниях путешествовавшего по Турции де Николе («Бродарења и путовања по Турској») пишется, что делии, не имея платы, жили от плена и «всегда стремились показать свою храбрость» и что среди них были люди всех вер, в том числе и сербы [5].

Белградский пашалык делился на санджаки, каждый из которых управлялся санджак-беем, а санджаки делились на нахии. Во главе нахий были поставлены судья — кадий и администратор — муселим, которые, как писал в своей книге «Жизнь и обычаи сербского народа» Вук Караджич, были источниками всяческих злоупотреблений, в первую очередь по отношению к бесправным сербам [4]. Положение сербов красочно описано Иво Андричем в его книге «Мост на Дрине», на примере, когда турки (под которыми понимались тогда все мусульмане, в том числе и боснийские) собирали по сербским селам детей для отправки в янычары — т.н. налог «девширме». Впрочем, ничуть не менее страшной была картина, когда эти же турки собирали по селам девушек, а

нередко и юношей для гаремов своих беев и пашей, и, пожалуй, более показательного примера бесправия сербов тяжело найти.

ФОТО 9. Янычары // Wikipedia

В своих воспоминаниях бывший янычар Константин Михайлович из Островицы писал, что когда армия султана берет штурмом какой-то город, то всех видных людей города, взятых в плен, убивали, молодежь отправляли в янычары, а женщин раздавали как наложниц [5]. Положение христиан того времени достаточно хорошо видится из высказываний

«праведного» халифа Омара: «...Девизом завоевателей стало следующее положение, приписываемое «праведному» халифу Омару I: «Подлинно, мусульмане будут питаться за счет этих (зиммиев, платящих подать), пока будут в живых; а когда мы умрем, и они умрут, то сыновья наши будут питаться за счет их сыновей вечно, пока будут существовать, так что они будут рабами последователей мусульманской веры, пока мусульманская вера будет оставаться преобладающей». Данный текст содержался в «Книге хараджа (Китаб аль-харадж)», написанной верховным судьей Абу Юсуфом (731–798) по поручению халифа Харун ар-Рашида и потому получивший значение юридического руководства для всех «исламских» халифов, эмиров и султанов [6].

В книге «Жизнь и обычаи сербского народа» Вук Караджич писал, что сербам было запрещено одеваться в дорогие одежды, носить одежду зеленого цвета, иметь хороших коней, прилюдно курить, тогда как турок мог избить его, материть его веру, крест, пост, насильно брать его на работу и насиловать сербских женщин, как и брать их насильно в гарем, где силой обращать в ислам [4]. Наконец, известен отрывок из книги английского археолога Эванса [17] о положении сербов в Боснии и Герцеговине, находившейся под турецкой властью: «Христианский кмет, или тот, кто обрабатывает землю, в худшем положении от многих рабов наших мрачайших времен и полностью отдан на милость мусульманских владельцев земли, подобно рабу» [7]. Само положение христиан как лиц второго сорта на собственной земле, казалось бы, является достаточным основанием для вооруженного восстания против совершенно очевидных турецких агрессоров, хотя иные современные историки будут оспаривать это право, находя в агрессии турецких войск какие-то элементы социального освобождения сербских крестьян от сербских феодалов. Однако очевидно, что после завоевания

турками сербских земель сербские крестьяне продолжали платить высокие подати туркам, иначе для чего турки бы вообще их земли завоевывали. К тому же, турки ввели новую подать для всех христиан — джизью — подушный налог, взимаемый в исламских государствах со взрослых и свободных немусульман мужского пола, согласно следующему хадису из Корана (9:29): «Сражайтесь с теми из людей Писания, которые не веруют ни в Аллаха, ни в Последний день, которые не считают запретным то, что запретили Аллах и Его Посланник, которые не исповедуют истинную религию, пока они не станут собственноручно платить дань, оставаясь униженными».

Разумеется, турецкая власть нередко защищала христианское сельское население, т.к. оно платило ему подати, но очевидно, что подати эти были достаточно тяжелые хотя бы в силу больших затрат турецкой власти на содержание своей армии и ведение постоянных завоевательных войн. Если уж в средневековой Европе восстания крестьян имели серьезные социальные причины, то нелогично отрицать такие же причины и у крестьян Турецкой империи. Но если в средневековой Европе крестьяне, восставшие против феодалов, могли рассчитывать на защиту церкви, городов или королей, то в Турецкой империи им пути назад не было, и потому среди сербов, как, впрочем, и среди других покоренных турками народов — болгар, греков и валахов — возникали различные вооруженные группы, занимавшиеся то разбоем, а то и поднимавшие восстания против турок и названные «гайдуками».

Так как христианам было запрещено носить оружие, как и применять его против мусульман, то каждый гайдук становился, тем самым, государственным преступником для Турецкой империи. Разумеется, «гайдуки» были нередко и разбойниками, но отказывать в праве «гайдукам» в национальных

и религиозных идеях — значит вообще ничего не понимать ни в Балканах, ни в их истории, ни в самой политике турок. Уже сам факт существования независимых вооруженных групп в Турции, в которых большинство составляла бесправная благодаря исламским законам «райя» (оружие христианам было строго запрещено иметь), являлся для турок государственным и религиозным преступлением. Подробное описание гайдуков и их обычаев сделал сербский историк Вук Караджич. Согласно Караджичу, гайдуки имели развитый кодекс чести, который, при ознакомлении с ним, напоминает кодекс чести сербских средневековых рыцарей. Об этом кодексе гайдуков достаточно подробно писал полковник Радэ Раич в своей работе «О духе чести Обилича в сербстве» [8]. Сами гайдуки, как пишет Вук Караджич, нередко собирались в относительно большие, численностью в несколько десятков человек отряды — четы и дружины, во главе со своими вождями — харамбашами. Главными целями своих нападений гайдуки делали сборников харача — харачлий, но нередко грабили и богатых сербов, да и обычный народ, видимо считая, что покорность этого народа туркам являлась достаточным оправданием для подобных нападений [5].

Впрочем, Вук Караджич писал, что и сербские крестьяне нередко привлекались турками для облав против гайдуков, а также турки набирали из сербов и тех, кто бы боролся против гайдуков и которых звали бы пандурами. В дальнейшем австрийские императоры, на чью службу поступали сербы, вооружая их, давали им имя пандуры. Сами гайдуки имели, по Караджичу, развитую сеть пособников, укрывавших их и звавшихся ятаками [5]. Одновременно часть гайдуков укрывалась на территориях соседних Австрии и Венецианской республики, и там они получали имя «ускоки» (ускочити — вскочить). Их начало было положено, когда командир обороны крепости Клисса Петр Кружич, державший оборону Вен-

герского королевства против наступающих турок, стал собирать в крепости гайдуков из окрестных областей Герцеговины, Далмации и Черногории.

После того как турки захватили в 1537 году Клиссу, эти гайдуки, получившие имя ускоков, пользуясь покровительством Австрии, перебрались в соседний порт Синь, под австрийскую защиту. Здесь, заняв находящуюся над ним крепость Нехай, они установили собственное республиканское управление и начали пиратские нападения как на венецианские корабли, так и на турецкие. Ориентировочно их число равнялось двум тысячам человек.

ФОТО 10. Харамбаша далматинский. Рисунок из 1875 года // staresrpskeslike.com

ФОТО 11. Оборона Клисы // Wikipedia

ФОТО 12. Корабли ускоков преследуют большой корабль //
Музей Нехай в Сине

Ускоки отличались от гайдуков лишь тем, что жили на австрийских и венецианских землях в собственных домах и со своими семьями, и выбираемые ими вожди должны были координировать действия ускоков с властями Австрии и Венеции. При этом ускоками были не только сербы, но и хорваты, а также немцы, итальянцы и представители других народов. Их действия вызвали в 1612 году войну между Австрией и Венецией, после окончания которой ускоки в 1617 году должны были оставить Сить и уйти на австрийские земли, на которых была создана так называемая «Военная граница».

ФОТО 13. Крепость Нехай

В дальнейшем из сербов в Австрии была создана в 1617 году «Военная граница», являвшаяся уже военно-территориальным объединением, в котором сербы жили в своих селах, но при первой необходимости мобилизовывались в воинские части, тем более, что и в мирное время они управлялись офицерами австрийской армии, являвшимися в основной своей массе сербами.

ФОТО 14. Военная граница с 1600 по 1800 год // Британская энциклопедия

Хотя венгерская и хорватская знать созданием «Военной границы» была недовольна, однако австрийские императоры защищали права сербов-«граничаров». Сербские «граничары» как раз и являлись главным связующим звеном между такими сербскими «гайдуками» и австрийской регулярной армией и тем самым, будучи регулярными войсками, они одновременно исполняли задачи, свойственные ныне войскам специального назначения.

ФОТО 15. Сербские «граничары» армии Австрии

Так как большие сербские восстания, как правило, начинались в годы войн против турок христианских государств, как, например, в ходе австро-турецкой войны 1591–1606 годов, в ходе Кандийской войны 1649–1665гг., ведшейся Венецией против Турции, в ходе Морейской войны 1683–1699 годов, которую вели против Турции Австрия, Россия, Польша и Венеция, то в силу этого отряды сербских повстанцев оказывались де-факто включенными в состав иностранных армий. Так, в ходе Морейской войны австрийская армия провалилась в Косово, и как раз сербская поддержка и дала возможность австрийским войскам войти далеко вглубь турецких территорий, захватив города Скопье и Приштину в

1689 году. Тогда под командованием австрийского генерала Пиколомини находилось всего 4 000 австрийских солдат, однако действовали они при поддержке отрядов местных сербов, в том числе «гайдуков», обеспечивавших им надежные тыловые коммуникации. После нападения французского короля Людовика Четырнадцатого на Австрию и после смерти Пиколомини император был вынужден дать приказ на отступление. Однако австрийцы поддержавших их сербов не бросили, а дали им возможность вместе с ними отступить в Австрию и поселиться там на специально выделенных императором землях.

ФОТО 16. Отступление сербов с Косово во главе с патриархом Арсением Черноевичем

Само тогдашнее выселение сербов, во главе с патриархом Арсением Третьим Черноевичем, было описано сербским писателем Милошем Цырнянским в его романе «Переселения (Сеобы)».

ФОТО 17. Сербский воин из Срема (Военная граница). Английская гравюра // staresrpskeslike.com

Также и в ходе неудачной для Австрии войны 1736–1739 годов, когда Австрия потеряла завоеванную ею северную Сербию, из Косово двинулись новые колонны сербских беженцев, во главе с патриархом Арсением Четвертым Йовановичем.

ФОТО 18. Военная граница с 1742 года

В ходе австро-турецкой войны 1788–1791 годов, по решению австрийского императора, полковник австрийской армии серб Михайло Михальевич создал отряды добровольцев в составе регулярной армии Австрии, в которые набирал всех тех сербов, что присоединялись к австрийским войскам на турецких землях. Эти отряды были названы «фрайкорами (Freichor)», и насчитывали они до десятка тысяч человек [5]. «Фрайкоры» практически самостоятельно вели боевые действия на территории Белградского пашалыка, освободив Пожаревац, Парачин, Кладово, Чуприю, Неготин, Шабац и Лозницу.

Среди командиров этих отрядов выделялся капитан Коча Анжелькович, освободивший от турок большие территории в Подринье, ставших известными как «Кочина Краина». Во «фрайкорах» была установлена австрийская военная организация, и многие из тех, кто готовил затем сербское восстание против турок, как, например, Алекса Ненадович и Петр Новакович, получили в них боевой опыт. Так, можно упомянуть Джордже (Георгий) Петровича, ставшего позднее известным как Караджордже (Карагеоргий), который в составе «фрайкора» получил чин австрийского унтер-офицера.

ФОТО 19. Сербский доброволец австрийского «фрайкорпса»
и сербский «граничар» армии Австрии

ФОТО 20. Джордже (Георгий) Петрович-Караджордже

После австро-турецкого мира 1791 года, когда Порта запретила своим янычарам находиться на территории Белградского пашалыка, а реформы султана Селима Третьего лишили янычар выдававшихся им поместий — «читлуков», тогда как новая организация армии — «низамы-джедид» — лишала их былых привилегий, то в ответ янычары в 1792 году, во главе с Кучук Алией, Хусейн-агой, Мулой Юсуфом и Мехмед-агой Фочичем (причем все были сербами по национальности) подняли восстание против султана, поддержанное затем в 1795 году Османом Пазван-оглу из соседнего Белградскому пашалыку Видина. В ходе войны против войск султана янычары три раза занимали Белград — в 1792, в 1795 и в 1797 годах, и в итоге тогдашний белградский паша Хаджи Мустафа, которого сами сербы прозвали «сербская мать» за его благосклонность к сербам, дал указание создать сербское войско во главе со Станко Харамбашичем, предназначенное для борьбы против янычар, как против врагов

султана. Насчитывало оно, согласно Живко Марковичу, 16 000 человек, и очевидно, что раз многие его командиры, как, например, Алекса Ненадович, до того воевали в австрийских «фрайкорах», то ясно, что и остальная масса сербов из «фрайкоров», после того как те были распущены австрийцами, просто перешла в состав войска Станко Харамбашича. После того как дахиям — командирам янычар удалось в 1801 году добиться от султана восстановления своих привилегий и убить Хаджи Мустафу-пашу, они установили свою полную власть над Белградским пашалыком.

ФОТО 21. Убийство Хаджи Мустафы-пашы

Новый Хафиз-паша уже не играл никакой самостоятельной роли, наступила пора беззакония и анархии, в которой сербское население беспрепятственно грабили, убивали и насиловали янычары. Детей турки продавали в рабство, а красивых девушек отправляли в гаремы, где их заставляли принимать исламскую веру. Так, сербский историк М. Сте-

ванович [18] писал, что в Руднике местный Селим-ага ввел право «первой брачной ночи» с невестами местных сербов [5]. Закономерно, что масса уже опытных сербских добровольцев, многие из которых имели к тому времени по десятку лет воинской службы, решили сами организовать, и во главе с Алексом Ненадовичем, Ильей Бирчанином, Георгием Петровичем и рядом других своих командиров с марта 1803 года стали готовить восстание против турок.

Хотя вожди янычар — «дахии» — смогли узнать о готовящемся восстании и в т.н. «сече кнезова (рубке князей)» смогли убить большую часть руководителей готовящегося восстания, но Георгий Петрович избежал смерти, когда его люди убили одного из дахий — Узун Мехмеда. Георгий Петрович, прозванный «Черным Георгием» или «Караджордже», на съезде сербов в Орашце, прошедшем на праздник Сретенья 14 февраля 1804 года, был избран вождем, и под его руководством сербы подняли восстание против турок.

ФОТО 22. Съезд сербов в Орашце

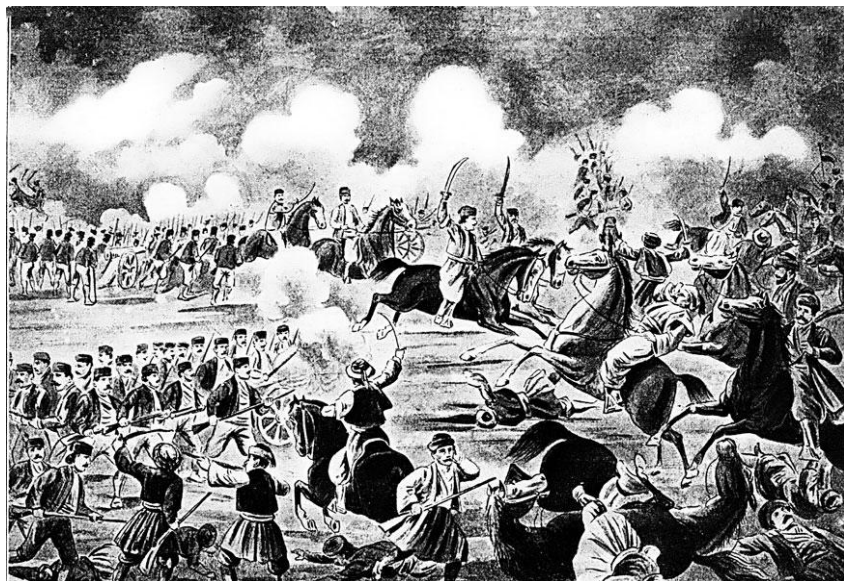
Как пишет сербский историк Стоян Новакович, Карагеоргий не принадлежал к тогдашней сербской знати и не был богатым и, очевидно, выдвинулся благодаря своим воинским заслугам, а его организационные способности являлись ключевым фактором в успехе сербского восстания, к которому сразу же добровольно присоединились и многие гайдуки. При этом гайдуки, которых многие историки считают до сих пор обычными разбойниками, проявляли тогда высокую храбрость и самопожертвование и, согласно книге «Война против дахий» Вука Караджича [19], в бою под Чокешином две сотни гайдуков из отряда харамбаша Джордже Чурчии, во главе с гайдуками братьями Недич, вместе с присоединившимися к ним местными сербскими крестьянами, добровольно остались сражаться против полуторатысячного боснийского отряда Мулы Ножина, и практически все погибли, убив при этом до тысячи турок.

Сам вождь Первого Сербского восстания (1804 года) Карагеоргий получал тогда большую поддержку «австрийских» сербов, так что в его рядах сражалось против турок много «австрийских» граничар, добровольно вступивших в состав войск Карагеоргия, перейдя границу. Сами сербские повстанцы Карагеоргия имели в своих рядах стихийно сложившуюся своеобразную воинскую иерархию и не имели иного выбора избежать смерти, кроме как подчиняться приказам Карагеоргия. Повстанцы быстро нанесли поражение местным турецким гарнизонам и в самом начале восстания, в 1804 году, освободили Рудник, Крагуевац, Ягодину, Вальево, Чачак, Пожаревац, Смедерево, а затем и захватили в плен дахий — вождей янычар и отрубили им головы.

В Россию повстанцы послали свою делегацию, а в следующем году освободили Карановац (Кральево) и Ужице. К тому времени войско повстанцев насчитывало 39 000 человек [5]. Турки были вынуждены прибегнуть к найму «кырджалий», тогдашних турецких разбойников, в ряды которых, согласно

Вуку Караджичу, принимались люди всякой веры, однако промышляли они грабежами обычного населения. Впрочем, «кырджалии», под командованием Алии Гушанца, показали себя как самая надежная опора Порты, ибо смогли прорваться в осажденный сербами Белград, где Алия Гушанец стал представлять реальную власть, в отличие от немощного Сулеймана — белградского пашы. Собранную турками пятнадцатитысячную армию повстанцы разбили под Ивановцами, и на следующий год в руки сербов попали Крушевац, Алексинац и Пореч. Порта тогда подготовила, с французской помощью, три корпуса, однако наступление одного из них, численностью 9000 человек, набранного в Боснии из местных мусульман, закончилось его полным разгромом в битве под Мишаром девяти тысячами сербскими войсками, находившимися под командованием лично Карагеоргия. Тогда турки потеряли две трети личного состава, как в самой битве, так и в ходе отступления в Боснию [5].

ФОТО 23. Победа сербов под Мишаром // staresrpskeslike.com

Затем под Делиградом сербами Карагеоргия были разбиты шеститысячные силы Шашит-паши, наступавшего с направления Лесковца, в итоге был подписан мир с турками, согласно которому Порта оставляла лишь гарнизоны в городах, предоставляя сербам внутреннюю автономию. Так как силы «кырджалей» Алии Гушанца отказались передать сербам контроль над Белградом, Карагеоргий 1-го (13-го) декабря захватил Белград, а 17-го (29-го) декабря захватил и крепость Калемегдан, из которой, по договору, были выпущены силы Алии Гушанца, а затем, 27-го декабря (8-го января), Сулейман-паша сдал последнее укрепление в Калемегдане. После этого сербами в 1807 году были освобождены Лозница и Шабач, а в это же время в Сербию вошли российские войска под командованием генерала Исаева, начавшие совместно с сербами боевые действия против турок. После этого сербы перенесли боевые действия в Боснию и Герцеговину, где также вспыхнули восстания тамошних сербов. Силы Карагеоргия и тамошние сербские повстанцы освободили в Боснии Вишеград, Зворник и Биелину.

В 1809 году, после объявления Турцией войны России и после приказа Александра Первого русским войскам на наступление против турок на дунайском направлении, сербские войска, согласно сербскому историку Стояну Новаковичу стали важным союзником данной двадцатитысячной группировки русских войск, имевшей целью перейти на правый берег Дуная. К тому времени, согласно приведенному в книге «Сербия Караджорджевичей» Живко Марковича фрагменту из книги М. Деспота «Иностранная современная пресса о первом сербском восстании» [20]. Карагеоргий располагал восьмидесятитысячной армией, из которых лишь 30 000 были выходцы из Сербии, тогда как остальные являлись выходцами из других краев Османской империи, являясь в прямом смысле добровольцами, и притом в значительной

мере сербами они не были, а были греками, валахами и албанцами [5].

ФОТО 24. «Арбанашский (албанский)» наемник. Рисунок 1885 года // staresrpskeslike.com

Сорокапятитысячная армия Карагеоргия, совместно с русскими войсками генерала Прозоровского и силами черногорцев, предприняла наступление на турок, и сербы захватили Сеницу на юге Сербии и осадили Нови Пазар, а затем армия Карагеоргия разбила турецкую армию Нуман-паши Махмуда Беговича под Суводолом. На Дринском направлении сербские войска напали на Биелину, а затем, после контрнаступления турецких войск из Боснии под командова-

нием Ибрахим-паши из Маглая, Хасан-паши из Сребреницы и Али-паши из Зворника, сербы одержали над ними победу под Лозницей. В данном случае следует напомнить, что формирование тогдашней сербской армии велось из стихийно созданных добровольческих отрядов без организованной и планомерной иностранной помощи такого характера, которую имели турки, поддерживаемые Наполеоном.

ФОТО 25. «Челе-кула» в Нише

После ввода турками новых сил неравенство было достаточно очевидно, и потому поражение сербов под селом Каменица вполне было закономерно. К тому же тогдашним русским наблюдателям была очевидна борьба самолюбий различных сербских командиров. Так, героическая оборона силами сербского воеводы Стевана Синджелича на горе Чегар у села Каменица, где в конце концов сам Синджелич взо-

рвал, вместе с собою и своими людьми, пороховой склад, не желая сдаваться в плен, была обусловлена отказом главнокомандующего сербскими войсками в этой битве Милоя Петковича послать помощь силам Синджелича, оказавшимися на направлении главного удара турок. В данном случае война шла на взаимное уничтожение, и показателем тогдашнего отношения турок к сербам является так называемая «Челекула» в Нише, стена, в которую турки замуровали 952 головы погибших сербов из отряда Синджелича.

После победы под Каменицей семидесятитысячная турецкая армия, совершив нападение на Делиград, после длительной осады захватила его. Однако упорная его оборона сербами, как и сербская победа двухтысячного сербского отряда Танаско Раича над двенадцатитысячными силами Алии Гушанца под Таборином, дали возможность им выиграть время. Тогда, после перемен в военном командовании русской армии, где командующим войсками стал князь Багратион, сменивший Прозоровского, и успешного русского наступления на Дунае, последовало новое наступление сербских войск на турок в Сербии, и потерянные сербами территории были возвращены. Весной 1810 года в Сербию вступили русские войска генерал-майора Цукато, которые [21] совместно с сербскими войсками «гайдука Велько» нанесли поражение туркам под Делиградом, а затем русский корпус генерал-лейтенанта Саса и сербские силы Младена Миловановича, согласно сербскому историку Цветичу, захватили Гургусовац (Княжевац) [5].

В рядах сербских командиров начались взаимные конфликты, о чем в своих письмах к ним писал как генерал-майор Цукато, так и заменивший Багратиона новый русский главнокомандующий граф Каменский [5]. Однако, хотя новое наступление тридцатипяти тысячной турецкой армии Хуршид-паши повлекло сербские поражения под Свырлигом

и Сокобаней, последовала новая победа русской армии графа Каменского над турками под Батином в Болгарии, где турки потеряли восемь тысяч мертвых, в том числе Алию Гушанца. Затем объединенные силы русских войск под командованием генерал-майора Орурка и сербских войск под командованием Карагеоргия поразили силы Хуршид-паши под Варварином. В этой битве важную роль сыграл обходной маневр казачьего полка полковника Никича. В сербской истории битва под Варварином известна поединком между сербом Йованом Курсулой и турком, когда, согласно книге русского генерала Владимира Гофмана «Великий вождь Карагеоргий» [22], последний сбежал от Курсулы, а также тем, что известный сербский «гайдук Велько» получил от Карагеоргия чин воеводы.

Сербская армия Карагеоргия, после упорной обороны Лозницы от сорокатысячной боснийской армии турок, перешла в наступление и под Тичаром разбила турок, отступивших потом в Боснию. В феврале 1811 года, согласно сербскому историку А. Ивичу [23], в Сербию было введено два батальона русской армии, под общим командованием полковника Александра Бала, и русские солдаты были распределены в Белграде, Шабце и в Делиграде, а в ноябре в Сербию вошли новые подразделения русской армии [5]. К тому времени силы сербов были на исходе, и население голодало, так что все надежды сербы возлагали на Россию. Тем не менее, на юге Сербии «гайдук Велько» нанес два поражения туркам в боях под Брегово и Гырци, а затем, в сражении под Грамадой, сербскими войсками были разбиты силы Хуршид-паши, выступившего из Ниша, тогда как на реке Лим воевода Милош Обренович разбил силы Нуман-паши, выступившего из Печи. Боснийская армия турок Сулейман-паши, в которой находились и французские инструкторы, к тому времени не решалась перейти Дрину, тогда как основные шестидесятитысячные силы турок были разгромлены Кутузовым под Рушчуком.

ФОТО 26. Гайдук Велько

Сам Кутузов рассматривал Карагеоргия важным союзником и, согласно переписке, приведенной в книге «Сербия Караджорджевичей» Живко Марковича, отправлял тому снаряжение, деньги и порох. В дальнейшем русское военное командование планировало осуществить силами русских и сербских войск наступление на Боснию, а затем и на Адриатику, чтобы выбить оттуда французов, и отправило в Сербию новые силы под командованием адмирала Чичагова. Однако подписанный в Бухаресте мир и угроза нападения Наполеона на Россию вынудило императора Александра вывести войска из Сербии, тогда как, согласно Бухарестскому договору, сербы обязаны были разрешить возвращение в города

турецких гарнизонов и, по сути, распустить армию, сдав артиллерию и боеприпасы, за исключением личного холодного и огнестрельного оружия, оставшегося бы у народа.

ФОТО 27. Смерть «гайдука Велько»

Новое наступление двухсоттысячных турецких войск произошло в 1813 году, в ходе тяжелой болезни Карагеоргия, которому, согласно книге русского генерала Владимира Гофмана, многие сербские командиры отказались подчиняться. В итоге, пятидесятипятитысячная сербская армия была разбита, и Сербия вновь попала под турецкую власть. После установления турецкой власти поставленный турками сербским вождем один из воевод Карагеоргия — Милош Обренович — дал приказ убить большинство остальных сербских воевод, а в 1817 его людьми был убит и сам Карагеоргий, который после разгрома сербских войск укрывался в России, откуда прибыл в Сербию для организации нового восстания. В то время в сербском народе воинские заслуги приветство-

вались, и если человек отличался воинскими доблестями, то даже если свои воинские подвиги показал не в сербской армии, все-таки мог рассчитывать на уважение среди многих сербов. Причина тому лежала в самой сербской психологии, в формировании которой важную роль играли тогда понятия чести и достоинства, неразрывно связанные с воинским делом.

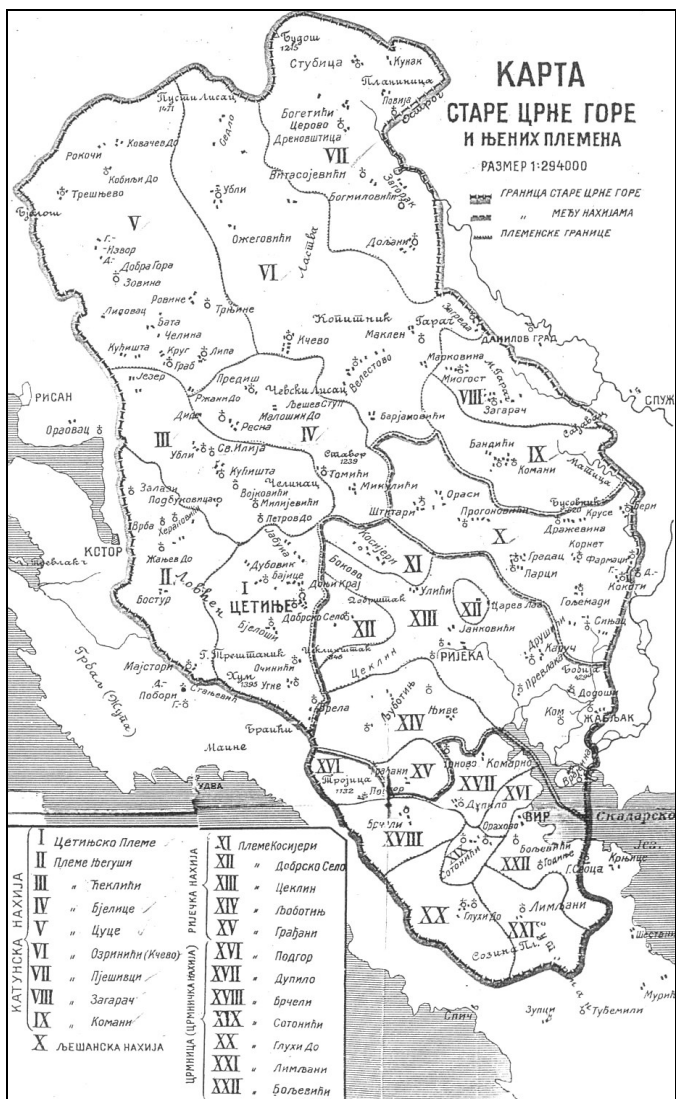
ФОТО 28. Черногорский воевода Петар Вукотич (1826–1907) разговаривает со своими офицерами // staresrpskeslike.com

Хорошо также известна, по воспоминаниям русских путешественников, и практика черногорских владык, собиравших на войну фактически самостоятельные племена Черногории и Бырда простой отправкой гонца, который, объезжая сербские села и выкрикивая «ко витез, ко цырногорац, ко за часни кырст (кто витязь, кто черногорец, кто за крест честный)», осуществлял сбор войска, и подобная практика ничем иным, кроме как добровольчеством, названа быть не могла.

Племенная структура Черногории являлась, по сути, воинской организацией, а сами черногорские племена вели частые войны с турками, в первую очередь с местными мусульманами сербского и албанского происхождения.

ФОТО 29. Черногория и ее племенные зоны в первой половине XIX века

По сути, черногорцы вели здесь постоянную партизанскую войну, поддерживая сербов в соседних с Черногорией районах под турецкой властью. В силу этого закономерно, что в 1878 г., после окончания русско-турецкой войны, царь Александр II своим манифестом отличил действия черногорцев, а тем самым и добровольцев из соседних им сербских районов, укорив при том сербскую армию. Впрочем, и после освобождения от турецкой власти Сербия достаточно эффективно использовала добровольцев. Так, в ходе венгерской революции 1848–1849 годов, когда сербы Срема, Баната и Бачки выступили в поддержку австрийской короны в войне против восставших венгров, то на помощь созданной тогда указом австрийского императора «Сербской Воеводине» Сербия в 1848 году послала корпус в двенадцать тысяч добровольцев, под командованием Стевана Книджанина, и эти силы были включены в армию австрийского генерала (серба по национальности) Стевана Шупликаца. Как раз эти добровольцы, под командованием Стевана Книджанина, сыграли ключевую роль в победе над венгерскими войсками генерала Киша в битве под Панчево 2 января 1849 года. Согласно данным из работы «Добровольцы из Сербии и сербское движение в Венгрии 1848–1849 годов» Ненада Урича, тогдашний главнокомандующий сербскими войсками, полковник Фердинанд Майерхофер, на военном совете Воеводины предлагал сдать Панчево венграм и отступить в Сербию, но Стеван Книджанин, при поддержке капитана Адама Косанича, на штабном совещании выступил против отступления [9]. В дальнейшем, однако, во многом благодаря выводу большей части добровольцев в Сербию, совершенному под давлением австрийского правительства, сербско-австрийские войска генерала Кузмана Тодоровича стали терпеть поражение от венгров, сумевших восстановить контроль над большей частью Баната и Бачки после победы над австрийцами в битве при

Кополне. Но отряд добровольцев из Сербии под командованием Стевана Книджанина, возвратившись из Сербии, смог, закрепившись на Тительском плато, сохранить в руках сербов Срем и тем самым предотвратить их полное поражение.

Также в 1862 году, после обстрелов турками Белграда, Сербия, испытывая недостаток в подготовленных военных, согласно работе Бранко Бешлина «Сербы из Габсбургской монархии — участники в боснийско-герцеговинском восстании и в сербско-турецких войнах 1875–1878 годов», создали в Валево Югославский легион (так как уже тогда идея «югославства» получила популярность в Сербии), насчитывавший около трех тысяч человек, и в основном это были сербы из Австрии, однако были и хорваты, немцы, поляки и чехи [9]. После поражения России в Крымской войне и отмены российского протектората над православными в Турецкой империи положение православных ухудшилось, и после нескольких лет террора сербы в Боснии и Герцеговине и болгары в Болгарии подняли восстания. Дабы их подавить, турки решили перейти к репрессиям, для чего прибегли к помощи черкесов, выселявшихся с Кавказа после поражения в Кавказской войне и поселенных турками в их европейских владениях. Черкесами, а также созданными турками из албанских и славянских мусульман отрядами «башибузуков» тогда были продемонстрированы «турецкие» методы противопартизанской войны, подразумевавшие полное уничтожение повстанцев и их семей. В данном случае действия «башибузуков» были следствием достаточно продуманной политики Турции по полному подавлению всякого сопротивления христиан внутри Турецкой империи силою поселенных среди них мусульман, точнее, созданными последними милициями. Башибузуки были типичной восточной милицией и действовали типично восточными методами — отрубая тысячи голов православным при попустительстве правительства Великобритании,

стремившегося таким образом покончить с русским влиянием на Балканах и укрепить позиции своего союзника — Турции.

Единственным препятствием для турок были действия Сербии и Черногории, организовавших поддержку повстанцев в Боснии и Герцеговине как оружием, так и отрядами добровольцев, тогда как в Болгарии повстанцы частично были разгромлены, а частично отступили в горы или в соседнюю Сербию. С объявлением Сербией и Черногорией войны Турции 18 июня 1876 года число добровольцев в сербских войсках увеличилось. Согласно работе Бранко Бешлина — «Сербы из Габсбургской монархии — участники в боснийско-герцеговинском восстании и в сербско-турецких войнах 1875–1878 годов», в 1876 году был создан «Добровольческий Корпус» сербской Дринской армии, в котором основную массу составляли сербские добровольцы из Боснии и Герцеговины, главным образом из регионов Семберии и Маевицы [9]. Офицерские кадры в нем были составлены, главным образом, из «австрийских» сербов — офицеров австро-венгерской армии, многие из которых участвовали в войнах против Пруссии и Италии. В различных добровольческих отрядах, самыми крупными из которых были отряды «австрийских» сербов, «турецких» сербов и болгар, воевали представители разных национальностей — англичане, итальянцы, французы, греки, румыны, поляки. Сербия вообще принимала любых добровольцев, и, например, в лагере Бадовинцы Добровольческого корпуса Дринской армии, согласно Бранко Бешлину, было много добровольцев из разных стран и городов, в том числе итальянские гарибальдийцы и прусские офицеры [9].

Среди последних можно было выделить прусских офицеров братьев Евгения и Павла Штурм. Последний, принимавший участие во франко-прусской войне и впоследствии добровольно вступивший в армию Сербии, переименовал фамилию на Юришич и, оставшись в Сербии, сделал успеш-

ную военную карьеру, став в Первой мировой войне прославленным командующим 3-й Сербской армией. Очевидно, что благодаря постоянно ведущимся войнам, от исхода которых зависела судьба всего народа, в сербском народе воинское ремесло было в XIX веке в почете. Достаточно показательной была биография короля Петра Караджорджевича (1844–1921) — сына князя Александра Караджорджевича и внука самого Карагеоргия. Петр вступил во французский Иностранный легион в 1870 году, вместе с ним принял участие во франко-прусской войне добровольцем во французской армии. Затем он, под именем Петра Мырконича, присоединился к сербским повстанцам в ходе сербского восстания против турок в Герцеговине в 1875 году.

ФОТО 30. Петар Караджерджевич (Петр Мырконич) в ходе восстания в Боснии и Герцеговине в 1875 году // Julius Gertinger (1834–1883)

Еще один Караджорджевич — Арсений, сын князя Александра, прослужив во французском Иностранном легионе, затем, с началом русско-японской войны 1905 года, вступил в русскую армию, приняв участие в боях против японцев. По возвращении в Сербию Арсений получил от короля Петра должность командира кавалерийской дивизии, с которой участвовал в освобождении Косово и Метохии. В ходе войны 1876–1877 годов в Черногории, по инициативе Гарибальди и поддерживавших его социалистических и масонских кругов, согласно работе «Итальянские добровольцы в Герцеговине, Черногории и Сербии (1875–1876)» Миляны Алексич-Пейкович, был создан отряд из нескольких сот итальянских добровольцев [9]. Эти добровольцы действовали достаточно успешно, в том числе участвуя в партизанских операциях в Герцеговине, хотя, однако, их связь с черногорскими либералами, которых возглавлял Любибратич, была причиной нередких их конфликтов с князем Николой. К тому же местная черногорская среда, согласно автору Миляне Алексич-Пейкович, считала нередко, что эти добровольцы, среди которых было немало итальянских князей и офицеров, сбежали из Италии либо из-за нищеты, либо из-за какого-то уголовного преступления [9].

Однако русское добровольческое движение было «...самым массовым и с большими последствиями» [10]. Фактически вся Россия в лице русских добровольцев встала на защиту Сербии, и только благодаря этому армия Турции, силы которой далеко превосходили армию Сербии, несла большие потери. К тому же, поскольку Сербия на тот момент регулярной армии не имела, чему немалая заслуга самой сербской власти, находившейся под влиянием соседней Австрии, то судьба ее была предрешена. В этих условиях лишь вступление России в войну являлось гарантией спасения Сербии. Однако Россия, как и всякая иная страна, была подвержена внутрители-

тической борьбе и внешнеполитическому давлению. В таких условиях был применен рецепт, успешно себя показавший еще в Греции в начале XIX в., заключавшийся в создании отрядов из формально независимых от Российского государства русских добровольцев, которые в данном случае сыграли роль костяка, который смог скрепить сербскую армию.

Во главе этого движения встал генерал Михаил Григорьевич Черняев, герой завоевания Средней Азии. Генерал Черняев был, без сомнения, большим идеалистом, пожертвовавшим своим именем ради достаточно неблагоприятной в политике цели спасения заведомо обреченной на поражение армии, и никто не заставлял Милана Обреновича назначать Черняева командующим сербской армией, ибо правительство России тогда было против чересчур явного вмешательства в отношения между проанглийской Турцией и проавстрийской Сербией. Сам Черняев, силою своего имени, сумел привлечь большое число представителей русской аристократии, таких как Виссарион Комаров, Дмитрий Дохтуров, граф Коновницын, князь Чавчавадзе, Миних, граф Келлер, князь Николай Раевский, которые принесли в сербскую армию не только опыт, но и средства [11].

Основу добровольческого движения в Сербии составили патриотически настроенные офицеры Российской армии, представителями которой являлись полковник генерального штаба В.В. Комаров, В. Беккер, Д.П. Дохтуров [12]. По сути, русские офицеры, составлявшие треть от всех русских добровольцев, которых к августу 1876 года насчитывалось около 2200 человек, и создали сербскую армию. Как писал участник той войны Николай Васильевич Максимов, русский доброволец в сербско-турецкой войне 1876–1877 годов и газетный корреспондент при отряде генерала М. Д. Скобелева во время русско-турецкой войны 1877–1878 годов, русские офицеры были невысокого мнения о сербской армии.

Впрочем, об армии Сербии тогда были низкого мнения и сербские добровольцы из числа офицеров австрийской армии, и дело тут не только в том, что сербская армия тогда представляла собой, главным образом, сельское ополчение. Это могло бы быть преодолено, не будь совершенно бездарной деятельности тогдашнего (с 1876 года) начальника Генерального штаба армии Сербии генерала Франтишка Заха, который хотя и не имел никакого военного образования и боевого опыта, кроме участия в качестве чешского добровольца в польском восстании против России, по своему прибытию в Сербию сразу получил высокие командные должности благодаря «лоббистской» деятельности польских эмигрантов, точнее, созданной ими в Париже организации «Отель Ламбер», пользовавшейся покровительством турецкого султана, благодаря связям польской колонии в Адамополе под Стамбулом.

Когда же политика князя Милана Обреновича по созданию «югославского» государства за счет Турции привела к войне в 1876 году с турками, то обнаружилось, что армия Сербии, создававшаяся «генералом» Франтишком Захом, небоеспособна, и в 1877 году Заха на должности срочно сменил сербский генерал Йован Драгашевич. Последний испытывал острую нехватку подготовленных командных кадров, и потому 27 июля 1876 года император Александр II объявил о разрешении офицерам выходить во временную отставку, чтобы они могли выехать на театр боевых действий на Балканах, а оттуда уже все они могли возвращаться в свои части без ущерба для карьеры [12]. Одновременно в Сербию, по указанию императора, был отправлен генерал Дандевиль как представитель петербургского славянского комитета и В.Н. Теплов в качестве представителя московского славянского комитета, для координации по приему и распределению добровольцев. Часть добровольцев направлялась на командные

должности — от командира роты до командира бригады в части армии Сербии, а другую часть отправляли в добровольческие отряды, состоявшие из сербов, выходцев из земель, находящихся под властью турок, как из Черногории, а также из болгар [12]. К концу войны появились отряды, которые состояли только из русских добровольцев. Наибольшее число русских добровольцев воевало в Тимочко-Моравской армии, количество их составляло около двух тысяч двухсот человек, из которых 650 офицеров и 300 — медперсонала.

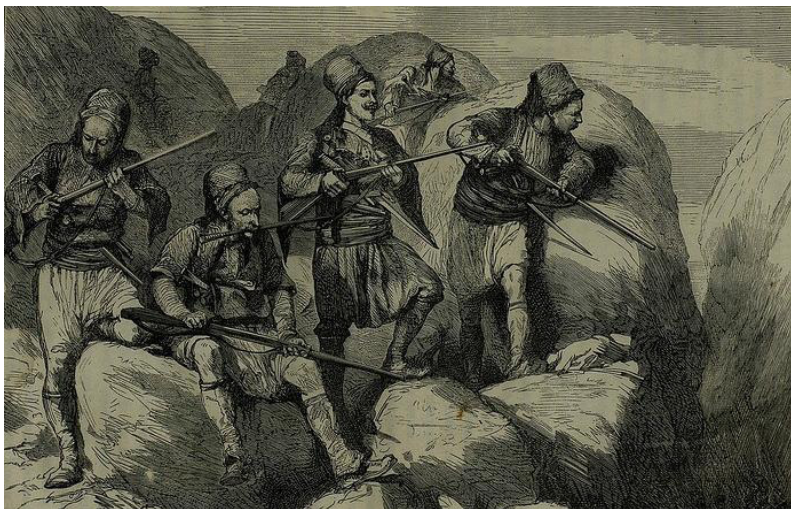
Впрочем, в Сербию тогда прибывали и офицеры из других армий, в частности из армии Пруссии, так, одним из них был прусский офицер Паулус Штурм (1848–1922), который позднее прославился в Балканских войнах и в Первой мировой войне как один из самых известных генералов в армии Сербии под именем Павел Юришич.

ФОТО 31. Генерал Павел Юришич-Штурм // staresrpskeslike.com

Вместе с тем возможно, что в данном случае куда рациональнее было Сербии активнее включиться в поддержку, организацию и снабжение сербских повстанцев, действовавших на турецкой территории, создавая из них партизанские отряды. Примером было создание отрядов болгарских добровольцев, важное место в создании болгарских дружин занимал майор русской армии А.В. Киреев, брат одного из ведущих идеологов и теоретиков славянофильства А.А. Киреева. Сам А.В. Киреев был ранен в бою в районе Великого Извора, когда он возглавил атаку болгарских дружинников 6 июля 1876 года на перевале Кадибогаз. Когда, под натиском турок, болгарские повстанцы отступили на территорию Сербии, они стали организовываться с помощью русских добровольцев в отдельные отряды Болгарского легиона. По большому счету, этот легион мог бы, при поддержке сербской армии, развернуть в Болгарии партизанскую войну, так как турки не имели эффективного командования над своими силами из черкесов и местных башибузуков, которых больше интересовали грабежи и убийства, нежели исполнение воинского долга.

ФОТО 32. Башибузуки. Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

Однако в данном случае следовало учитывать фактор, тогда мало учитываемый в России, а именно — национальную неприязнь между сербами и болгарами. Показательно, что сербские историки избегают часто упоминания роли Болгарского легиона, на самом деле сыгравшего исключительно важную роль в той войне. Между тем, в данном случае речь шла не об обычных болгарских крестьянах, а о тех, кто, добровольно вступив в ряды повстанцев против заведомо более мощной силы, уже получил опыт в боях против как турецкой регулярной армии, так и турецких милиций. То есть, в данном случае, в силу естественного отбора Сербия получила хорошо подготовленное и морально стойкое воинское соединение — Болгарский легион, который силами русских офицеров превращался в профессиональную регулярную силу.

Но в данном случае традиционная для всех Балкан логика перевесила доводы здравого смысла, и правительство Сербии, по сути, лишь терпело Болгарский легион, и то благодаря генералу Черняеву. При этом стоит помнить, что строительство как сербской армии, так и Болгарского легиона велось под руководством группы энтузиастов, без прямого руководства Российского государства. В силу этого неудивительно, что планировавшийся Черняевым прорыв в Болгарию не удался.

Черняев и русские добровольцы стремились к достижению общей победы над турками и закономерно видели в Болгарии поле для быстреего достижения таковой, путем организации и подготовки болгар, ибо генералу Черняеву тогда было выгоднее организовать партизанскую войну в Болгарии силами Болгарского легиона и русских добровольцев, предоставив сербской армии обороняться от турок. Однако генерал Черняев был в своих действиях ограничен требованиями сербского правительства, и лишь в сентябре-октябре 1876 г. были созданы 2 бригады из русских и болгарских

добровольцев стараниями графа Келлера, успешно себя показавшие в боях в долине Моравы и поразившие турок и черкесов.

ФОТО 33. Русские офицеры ведут в бой сербских солдат // staresrpskeslike.com

При этом данным бригадам пришлось в ходе действий на турецкой территории подавить выступления местных сербских мусульман и бороться с партизанскими действиями отрядов черкесов и арнаутов. Тем не менее, в конечном итоге силы сербской армии, Болгарского легиона и русских добровольцев 14 августа 1876 года под Фундином нанесли поражение сорокатысячной турецкой армии. Однако сербская армия, не имея достаточных сил и подготовки, не смогла тогда выполнить поставленную ей правительством заведомо невыполнимую задачу по наступлению на Косово, где вследствие большого процента албанского населения турки имели мощную мобилизационную базу, тогда как, согласно воспоминаниям русских участников из книги «Две войны 1876–

1878 г.» Н.В. Максимова, многие мобилизованные сербские крестьяне не слишком понимали смысла войны с турками, с которыми они шестьдесят лет до этого жили в каком-никаком, но мире [13].

В данном случае это было типичной болезнью только от мобилизованных армий, не имевших отлаженного военного механизма, ибо в Сербии до этого имелась армия, численностью в несколько тысяч человек, и Австрия своим влиянием препятствовала ее усилению. Попытка генерала Черняева создать из массы мобилизованных сербских крестьян регулярную армию с помощью русских добровольцев была не слишком успешной, вследствие того, что русские добровольцы не были организованной в России силой и не имели отработанных механизмов подготовки и командования сербами, язык которых они не понимали, и ни один другой полководец на месте Черняева не мог бы осуществить подобной задачи. В данном случае, возможно, для генерала Черняева более целесообразно было создавать из сербских добровольцев Сербский легион с русским и сербским командным кадром, подобным Болгарскому легиону, предоставив остальной сербской армии вести позиционную войну. Генерал Черняев получил бы куда более сплоченную и подготовленную силу, которая могла бы вести маневренные боевые действия против турок, в том числе рейды по их тылам. В итоге сами турки, быстро отобили резервы, развернули наступление на сербскую крепость Алексинац. Хотя в ходе ожесточенных боев в районах Шуматовца и Горнего Адровца с 18 по 22 августа силы генерала Черняева смогли выстоять под ударом турок, однако, в результате обходного маневра турецкой армии, эти силы были вынуждены отступить 1 сентября, тогда как контрнаступление не удалось, так как большое число мобилизованных сербских ополченцев отказалось пойти в атаку.

ФОТО 34. Битва под Шуматовцем в ходе сербско-турецкой войны 1876–1877 годов

Турция, многократно превосходившая численностью населения и Сербию и Черногорию, перебрасывала на данный театр всё новые резервы, тогда как сербы не имели достаточных людских резервов, а болгары, за исключением добровольцев, в войне не участвовали. В результате армия генерала Черняева была вынуждена отступить в новых сражениях под Горним Адоровцем 17 октября 1876 года, а затем и под Джунисом 29 октября 1876 года, где до половины русских добровольцев погибло.

ФОТО 35. Майор Радомир Путник, будущий главнокомандующий армии Сербии в Первой мировой войне во время сербско-турецкой войны 1876–1877 годов

Согласно книге А.В. Окорочкова «Русские добровольцы», после остановки активных боевых действий к 19 января большая часть русских добровольцев выехала в Россию, но около полутора тысяч добровольцев остались в Сербии в составе дивизии, созданной под командованием полковника Меженинова. Однако после заключения мира Сербии и Турции 16 февраля 1877 года большая часть русских добровольцев возвратилась домой, кроме неполной сотни, оставшейся в составе русско-болгарской бригады полковника Милорадовича, которая после заключения мира между Сербией и Турцией была выведена в Плоешти. Тем не менее, свою независимость Сербия завоевала как раз благодаря этим добровольцам, без активной роли которых российская армия вряд ли была бы послана против турок в 1877 году, и как раз русские добровольцы сыграли свою роль, подтолкнув Россию к вступлению в войну против Турции, в результате которой были освобождены как сербские, так и болгарские земли.

Однако когда перед началом русско-турецкой войны в Сербию был направлен генерал-лейтенант Никитин с целью подготовки армии Сербии и русских добровольческих частей, то, в силу отказа руководства Сербии от активных наступательных действий, его задача оказалась невыполнимой. Тем не менее в тяжелых боях в сентябре 1878 года под Алексинцем, где решалась судьба армии Сербии, силами корпуса полковника Хорватовича командовали русские офицеры: левым корпусом — полковник Молостов, центром — полковник Клиндер, правым крылом — полковник Журавлев, тогда как в составе Дринской и Ибрской армий, находившихся на менее важных направлениях, было соответственно 50 и 130 русских добровольцев [12].

Важную роль русские добровольцы сыграли в формировании Болгарского ополчения, которое создавалось после

окончания сербско-турецкой войны в феврале-марте 1877 года в Кишиневе. Вначале оно состояло из шести батальонов общей численностью до семи с половиной тысяч человек, под командованием генерала русской армии Н.Г. Столетова. Это ополчение приняло участие в боях у Стара Загоры, Шипки и Шейново, и к концу войны в нем насчитывалось двенадцать батальонов.

ФОТО 36. Болгарские проводники в отряде генерала Гурко.
Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

В книге «Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и подвиг освободителей» известного болгарского историка Генова пишется следующее: «...Независимо от целей и побуждений отдельных держав, вовлеченных в восточный кризис, русско-турецкая война 1877–1878 гг. завершилась победой русского оружия, мир был подписан. Главным ее результатом было образование Болгарского государства. Поэтому последнюю рус-

ско-турецкую войну XIX века болгарский народ по праву и с гордостью называет Освободительной» [14].

ФОТО 37. Генерал Скобелев. Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

Не менее важную роль добровольцы, но уже из сербских областей, оставшихся под властью Турции, сыграли в подготовке и в ходе Первой Балканской войны. Созданные «на общественных началах» из таких добровольцев «четнические» (чета в переводе рота, сотня) отряды с 1904 по 1912 год вели «партизанскую» войну в Косово и Метохии, в Македонии и в Южной Сербии, при поддержке местного сербского населения. После периода «частной» инициативы в ведении партизанской войны, с 1904 года ведущейся, главным образом, под патронатом «Сербского комитета» (созданного в 1903 году в Белграде), в 1906 году правительство Сербии установило прямой контроль над движением, которое, впрочем, с момента своего основания курировалось разведслуж-

бой Генерального штаба сербской армии и ее начальником Драгутином Димитриевичем — «Аписом».

ФОТО 38. Драгутин Димитриевич «Апис» (1876–1917) // starespskeslike.com

В 1906 году при консульском отделении министерства иностранных дел Сербии был создан комитет организации «Тайный союз сербских оборон», которая была основана в 1905 году [9]. Этот комитет до 1908 года командовал операциями серб-

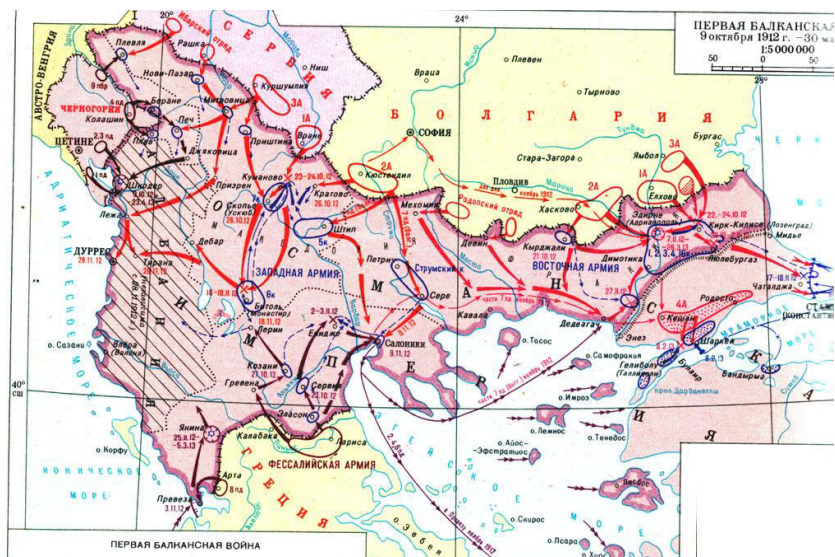
ских четников, тем более, что многие из них были выходцами из Косово и Метохии и хорошо знали данную местность [9].

ФОТО 39. Воеводы сербских четников Старой Сербии и Македонии. 1908 г.

В общем, операции велись достаточно успешно, хотя иногда случались и разгромы четнических отрядов. Так, например, это произошло в мае 1904 года в районе Шупли Камен под Куманово в Македонии и в районе Пасьяна под Гнилане в Косово в июле 1907 года. При этом сербы, согласно работе «Поражение сербских четников под Пасьяном (Гнилане)», вели боевые действия и против таких же македонских «партизан», звавшихся «комитами» [9]. После революции «младотурок» в 1908 году правительство Сербии отказалось от проведения «четнических» операций в Турции, однако продолжало подготовку созданных четнических отрядов, сыгравших столь важную роль в 1912 году в Первой Балканской войне, где они, являясь авангардом сербских войск, вели разведывательную деятельность. К тому времени четники были в своем большинстве уже достаточно опытными бойцами.

ФОТО 40. Первая Балканская война 1912 года

Столь же важную роль, согласно статье «Добровольцы в черногорской армии в ходе Первой Балканской войны 1912–1913 годов» Митара Джуришича, сыграли добровольцы и в действиях армии Черногории в Первой Балканской войне. Черногория перед началом войны создала отдельные батальоны из сербов, перебежавших в Черногорию из районов Санджака, Метохии и из области племени Васовичей, оставшихся под властью Турции [9]. В эти батальоны были включены и добровольцы из числа сербов Австро-Венгрии (главным образом из Боснии и Герцеговины и из района Боки Которской), а также и из числа иностранных добровольцев. Как раз благодаря большому числу местных добровольцев черногорский командир Янко Вукотич и смог, располагая всего тремя бригадами, взять города Плевле, Бело Поле и Бераны, организовывая уже в ходе самих боевых действий батальоны добровольцев из числа местных сербов [9].

Важную роль сыграли четники и в ходе Первой мировой войны. После оккупации Сербии войсками Австро-Венгрии силами четников была организована партизанская война против оккупационных сил. Так, согласно книге «Малая война — партизанство и диверсии» М.А. Дробова, в Сербии «малую (партизанскую)» войну вели «четы (роты)» сербских добровольцев-«комитаджей», как Дробов называл сербских четников, называвшихся иностранными историками «комитами» [15]. Хотя общее число этих сербских «комитаджей» на территории Сербии достигало 6–7 тысяч, австро-венгерское военное командование было вынуждено держать против них воинский контингент численностью до 70 тысяч человек, а иной раз число этого контингента достигало 90 000 человек [15].

ФОТО 42. Четники-«комитаджи» отряда Стояна Вуковича на территории оккупированной Сербии / Арчибальд Райс

Когда в годы Первой мировой войны, в январе 1916 года, на остров Корфу было эвакуировано около ста пятидесяти тысяч военнослужащих армии Сербии, армия Черногории приказом короля Николы была распущена по домам. По требованию царя Николая Вторая армия Сербии была переброшена на Солоникский фронт, сохранив тем самым политическое влияние правительства королевской Сербии.

ФОТО 43. Сербы на «Солунском» (Салоникском) фронте

Тогда добровольцы стали важным фактором для сохранения боевой мощи сербской армии, терпевшей тяжелые потери. В этот период эмиграция из бывшей Югославии организовала набор добровольцев в армию Сербии, в чем активную роль сыграл Югославский комитет, в котором были как сербы, так и хорваты и словенцы. Тем не менее, основная масса добровольцев, набранных в США и Канаде, а также в Австралии, Новой Зеландии и Западной Европе, являлись сербами, и, по различным данным, их число достигало десятка тысяч человек, а к этому числу следует добавить несколько тысяч добровольцев из числа военнопленных австро-венгерской армии, опять-таки, главным образом сербов. В России указом царя Николая II в начале 1916 года был создан сербский добровольческий отряд из военнопленных югославов австро-венгерской армии, со штабом в Одессе, в силу больших симпатий Николая II к сербскому королю Александру, которому было разрешено послать в Россию группу офицеров сербской армии во главе с полковником Хаджичем. Созданная ими 1-я сербская добровольческая дивизия численностью около десяти тысяч человек после операции в 1916 году, задуманной союзниками с целью прорыва в Сербию, отличилась в боях, но понесла большие потери, и, вследствие этого, высказала командованию неповиновение и была выведена в тыл, где началась в ее командном составе борьба между сторонниками короля Александра и сторонниками организации «Черная рука».

Одновременно хорватские и словенские офицеры, представлявшие меньшинство, стали требовать введения хорватских и словенских знаков различия. Однако вскоре произошла февральская революция, и на базе 1-й дивизии создается 2-я дивизия, после чего обе дивизии объединяются в Корпус сербов, хорватов и словенцев. К тому времени, когда стало очевидным, что Австро-Венгрия войну проигрывает, хорва-

ты и словенцы на фронтах начали массово сдаваться в плен, и вследствие этого находившиеся в корпусе сербы, хоть и оставались в большинстве, но уже должны были считаться с хорватами и словенцами. В 1918 году корпус был эвакуирован в созданную Югославию, а идея создания Югославского корпуса, который помог бы Колчаку и Деникину в борьбе с Красной армией, так и осталась лишь благим намерением короля Александра, ибо сербское правительство Николы Пашича воспротивилось этим планам Александра.

ФОТО 44. Сербское воинское подразделение в Мурманске в 1919 году

С созданием королевства Сербов, Хорватов и Словенцев, переименованного позднее в королевство Югославия, традиции добровольчества не были утрачены, хотя в данном случае важную роль сыграли русские белогвардейцы, принятые тогда на военную службу в армии нового королевства и получившие от короля Александра ее гражданство. В королевстве

Сербов, Хорватов и Словенцев находился в эмиграции Ахмед-Бей-Зогу, который в 1924 году готовил заговор с целью свержения просоветского правительства в Албании во главе с Фан Ноли [12]. Были созданы добровольческие отряды из албанцев, в основном из племени матьян, а для организации артиллерийской батареи и пулеметного дивизиона по контракту пригласили русских белогвардейцев, главным образом из числа киевских гусар, численностью в 102 человека во главе с полковником Миклашевским, находившимся тогда на службе в сербской армии и, соответственно, подчинявшегося указаниям Генерального штаба армии королевства Сербов, Хорватов и Словенцев [12].

Русско-албанский отряд Ахмед-Бей-Зогу 16 декабря перешел границу, а 17 декабря уже вступил в бои за село Пешкопея, которое успешно занял. После отдыха отряд продолжил наступление на Тирану и, после боев за Тирану, 20–24 декабря успешно ее занял 26 декабря [12]. Русский отряд продолжил свою службу у Ахмед-бея Зогу, но уже под командованием полковника Берестовского, и хотя в 1926 году отряд был расформирован, но всем его ветеранам была назначена пенсия в размере имевшегося жалования при условии проживания в Албании [12].

В самом королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, переименованном позднее в королевство Югославия, было решено после изучения опыта войны в Испании 1936–1939 гг. и аншлюса Австрии 1938 года возродить бывшие этнические формирования в составе армии. По инициативе начальника генерального штаба генерала Душана Симовича и начальника его оперативного отделения полковника Бранка Поповича был принят план боевых действий под кодовым обозначением «S», который предусматривал ведение «герильских» действий на территориях отступления армии [16]. После замены генерала Симовича генералом Петром Косичем в январе

1940 г. был принят новый план R-41, также предусматривавший «герильские» действия и создание части специального назначения для ведения «герилы». В данном случае не были разделены понятия собственно разведывательно-диверсионных действий от понятия партизанской войны, под которой исторически и подразумевалась «герила» [16]. В силу этого, когда 8 мая 1940 г. тогдашний военный министр, генерал Милан Недич, подписал указ о создании «четнического» штаба для осуществления замысла о создании четнических частей для ведения герильских действий, с былыми четниками войны 1912 г. общее у этого штаба было только название [16].

ФОТО 45. Генерал Милан Недич, военный министр королевской Югославии

Было предусмотрено, по сути, создание разведывательно-диверсионных частей путем приема профессиональных военнослужащих регулярной армии и пополнение данных частей путем отбора из других частей армии с тем, что готовились, вооружались и оснащались они на порядок лучше других частей армии. Подготовка четнических частей определялась секретной директивой «Указание о четнической борьбе» 1929 года, и в соответствии с ней, их действия определялись как деятельность небольших групп, избегающих фронтальных действий [16]. В то же время четнические действия различались в данном документе от «герилы», так как велись лишь на флангах своих войск или в непосредственном тылу действующего противника, тогда как под герилой понималась партизанская война на оккупированных противником территориях. Однако подробного описания самого ведения герилы не было, и, по сути, не было механизмов по реализации и командованию местными повстанцами, хотя, в соответствии с данной доктриной, они и должны были быть основой для партизанской войны в случае захвата противником частично или полностью государственной территории [16]. Хотя считалось, что четнические части будут пополняться призывниками из молодежного движения «Сокол», офицеры четнических частей провели с этими призывниками лишь несколько занятий [16].

В этой доктрине указано, что в случае разведывательно-диверсионных действий в интересах армии четнические части должны опираться на местное население, сил действующего резерва из местного населения создано не было, как и не было связи с населением через территориальные организации. Не было и идеологического фактора, тогда как четники 1912 г. были мотивированы сербским национализмом и, что немаловажно, и православными христианскими идеями. К тому же произошел набор в их состав не только сербов, но и хорватов и словенцев, так что естественно, что по требова-

нию вице-премьера Югославии, хорвата по национальности Влатко Мачека 10 июля 1940 года четнические части были переименованы в штурмовые.

Командиром этих штурмовых сил был назначен бригадный генерал Михайло Михайлович, участник Первой и Второй Балканских войн и Первой мировой войны, где он получил опыт разведывательно-диверсионных операций, а его начальником штаба стал майор Душан Анжелькович, и оба эти офицера были сербами [16].

Штаб четническо-штурмовых сил находился в Новом Саде (перед началом войны он был перебазирован в Кральево) и подчинялся непосредственно Генеральному штабу. Ему было подчинено 6 четническо-штурмовых батальонов, дислоцированных в Новом Саде (1-й батальон), в Сараево (2-й батальон), в Скопье (3-й батальон), в Карловце (4-й батальон), в Нише (5-й батальон), в Мостаре (6-й батальон) [16]. Таким образом, батальоны находились либо на сербских территориях, либо на территориях, где сербы составляли от трети до половины населения, и, соответственно, действительные действия внутреннего неприятеля в лице хорватских усташей в 1941 году на деятельность этих частей повлиять не могли.

Все батальоны имели по две роты, а 1-й и 3-й имели по три роты. В каждой роте было четыре взвода, а каждый взвод, помимо командира и его зама, имел 6 троек — каждая состояла из одного командира и двух солдат.

Пополнялись четническо-штурмовые батальоны путем приема добровольцев регулярной армии, а офицеры выбирались из пехотных частей своей военной области (военного округа). В силу этого батальоны были составлены из сербов, хорватов, словенцев, причем в 4-м и 6-м хорваты были в большинстве. Вооружены эти батальоны были только стрелковым оружием, и то в основном карабинами М-24К калибра 7,9 мм, а американские автоматы «Томпсон» были заказаны

лишь перед войной и поступить в батальоны не успели, оставшись на складах. Противотанковые ружья на вооружение поступить также не успели, а из мотосредств было лишь несколько мотоциклов. Пулеметов на вооружении тоже не было [16]. При этом четники обучались действиям из засад, маршам на пересеченной местности, прыжкам с парашютами и преодолению водных преград.

ФОТО 46. Военнослужащий 1-го штурмового (четнического) батальона армии Югославии в 1940 году // Архив Бранко Богдановича

Хотя 1 апреля 1941 г. данным батальонам и было возвращено имя четнических, а штаб передислоцирован в Кральево, партизанской войны даже на сербских территориях не началось, так как Генеральный штаб решил собрать четнические батальоны в районе Кральево, куда был направлен 5-й батальон из Ниша и где было начато создание еще одного — седьмого четнического батальона — на основе одного подразделения 1-го батальона и одного подразделения 3-го батальона [16]. Одновременно был объявлен набор добровольцев в четнические батальоны из лиц славянского происхождения,

за исключением болгар. Однако уже на четвертый день войны четнический штаб, вместе с силами 2-го и 7-го батальонов (кроме одной четы 7-го батальона, направленной в Косовскую Митровицу), начал движение в Боснию, и 13 апреля он оказался в Рогатице, а 14 апреля — в Калиновике [16].

Хотя в районе Калиновика местность была идеальной для партизанской войны — горы высотой 1500–2500 метров, поросшие лесом и с пещерами, — штаб оттуда был передислоцирован в Сараево. Там этот штаб 18 апреля сдался немцам вместе с силами 2-го и 7-го батальонов [16]. 1-й батальон до 11 апреля вообще не вступал в бой, охраняя штаб 1-й армии, затем также отступил в Боснию, в район Биелины, где в боях с немецким парашютным десантом за аэродром под Биелиной, как и с отрядом местных хорватских усташей, поднявших восстание, батальон был разбит, причем исход боя решил приход немецких танков. Лишь небольшая группа солдат и офицеров этого батальона смогли избежать плена и в мае выйти на горный массив Равна гора, соединившись с отрядом офицера разведотдела Генштаба армии Югославии полковника Драже Михайловича [16].

3-й четнический батальон так же был разбит в Качаницком ущелье 12 апреля и большей частью попал в плен, тогда как 4-й батальон благодаря тому, что командование и большая часть офицеров были хорватами, в бой так и не вступил, и после передислокации из Карловца в Беловар сдался немцам. 5-й батальон до 8 апреля охранял штаб 8-й армии в Нише, в ходе общего отступления 14 апреля попал в плен в районе Краљево, а 6-й батальон, переброшенный из Мостара в Сербию в город Младеновац 4 апреля, хотя 10 апреля и вступил в бой с немцами под Крагуевцем, уже 15 апреля сдался в плен в районе Горнего Милановца [16]. Таким образом, четническая организация, созданная в составе регулярной армии, пережила полный крах. Разумеется, часть четников, избежав плена,

присоединились к четническому движению Драже Михайловича, вместе с членами различных организаций ветеранов-четников и добровольцами.

ФОТО 47. Император Николай II принимает смотр 1-й Сербской добровольческой дивизии на Куликовом поле в Одессе

ФОТО 48. Генерал Зайончковский проводит смотр 1-й сербской добровольческой дивизии

ФОТО49. Погрузка 1-й сербской добровольческой дивизии для отправки на Салоникский фронт. Архангельск, 1917 г.

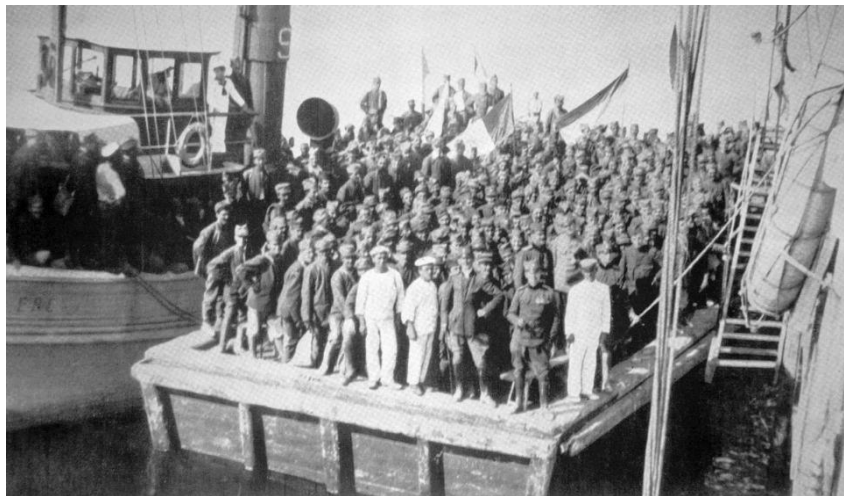

ФОТО 50. Генерал Стеван Хаджич — командир 1-й сербской добровольческой дивизии в 1916–1917 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Setton K.M.* The Papacy and the Levant (1204–1571). Philadelphia: The American Philosophical Society, 1978. Volume II.
2. *Ђоровић В.* Историја Срба. Београд: Дом и школа, 2006.
3. *Cartledge B.* The Will to Survive: A History of Hungary. London: C. Hurst & Co., 2011.
4. *Караџић Вук.* Живот и обичаји народа српског. Весу: У наклади Ане удове В.С. Караџића, 1867.
5. *Марковић Живко В.* Карађорђева Србија (1804–1817). Берн, 2006.
6. *Керимов Г.М.* Шариат и его социальная сущность. М., 1978.
7. *Јевтић Мирљуб.* Современный джихад. Београд: Никола Пашић, 2001.
8. *Рајић С. Н.* О духу Обилића части у србству.
9. Добровольци у ослободилачким ратовима срба и црногораца. Београд: Институт за савремену историју, Удружење ратних добровољаца 1912–1918, њихових потомака и поштовалаца, 1996.
10. По материалам статьи болгарского историка: *Генов С.* Добровольческое движение на Балканах во время сербско-турецкой войны 1876 года // Actes du Premier Congres international des etudes balkaniques et Sud Est Europeennes, Sofia, 26 août – 1 septembre 1966. № 4. София, 1969. Р. 234.
11. *Генерал М.Г.* Черняев и Сербская война // Русский сборник. Исследования по истории России. М., 2006. Т. 2. С. 199–217.
12. *Окроков А.В.* Русские добровольцы. М.: Авуар консалтинг, 2004.
13. *Максимов Н.В.* Две войны 1876–1878 гг. СПб., 1879.
14. *Генов Ц.* Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и по-

двиг освободителей / Пер. К. Герасимова. София: София Пресс, 1979.

15. *Дробов М.А.* Малая война — партизанство и диверсии // Альманах «Вымпел». М., 1998.

16. *Životić Aleksandar Ž.* Jurišne (četničke) jedinice vojske Kraljevine Jugoslavije 1940–1941godine // Vojnoistorijski glasnik. Beograd, 2003. Br. 1–2.

17. *Evans A.* Throught Bosnia and Herzegovina on foot. London: Longmans, Green 1877.

18. *Стевановић М.* Први и Други српски устанак. Београд: Службени гласник, 2003.

19. *Карађућ Вук.* Војевање на дахије. Први српски устанак. Београд: Bookland, 2003.

20. *Деспот М.* Страна сувремена штампа о Првом српском устанку. Београд, 1954.

21. *Богунковић Н.* Одједи устанка у Еуропи // Вечерње новости, фељтон, 13 наставака. Београд, 19–31.01.2004.

22. *Гофман В.* Велики вожд Карађорђе. Београд, 1930.

23. *Ивић А.* Из доба Карађорђа и сина му кнеза Александра. Београд, 1926.